DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-232-237

ГОСТЕПРИИМСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В.А. Чернов

С.В. Бобышев

Т.А. Лушкина

В статье рассматривается гостеприимство народов, живших на русском Севере, как образ их жизни. На основе изучения описаний путешествий исследователей Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки выявлено, что гостеприимство было свойственно практически всем народам, большим и малым, миролюбивым и воинствующим, кочевым и оседлым. Гостеприимство было средством выживания в диких и суровых условиях Севера. Это позволяло не только местным народам, но и путешественникам и исследователям Сибири и Дальнего Востока в любых условиях находить кров и пищу, преодолевать значительные расстояния, не имея с собой больших запасов продовольствия и необходимой одежды.

Ключевые слова: Дальний Восток, коренные народы, айны, чукчи, якуты, юкагиры, тунгусы, гостеприимство.

HOSPITALITY OF INDIGENOUS PEOPLES AS A FACTOR OF SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE FAR EAST

V.A. Chernov

S.V. Bobyshev

T.A. Lushkina

The article examines the hospitality of the peoples living in the Russian North as a way of their life. Based on the study of the descriptions of the travels of the explorers of Siberia, the Far East and Russian America, it was revealed that hospitality was characteristic of almost all peoples, large and small, peaceful and militant, nomadic and sedentary. Hospitality was a means of survival in the wild and harsh conditions of the North. This allowed not only local peoples, but also travelers and explorers of Siberia and the Far East in any conditions to find shelter and food, which made it possible to travel long distances without having with them large supplies of food and necessary clothing.

Key words: Far East, indigenous peoples, Ainu, Chukchi, Yakuts, Yukagir, Tungus, hospitality.

Феномен быстрого освоения русскими огромных пространств Сибири и Дальнего Востока связан со многими факторами, одним из которых являлось гостеприимство местного коренного населения, жившего в суровых климатических условиях.

Если продвижение передовых отрядов казаков на восток от Урала нередко осложнялось сопротивлением народов, населявших эти территории, то одиночные или следовавшие небольшими группами ученые, путешественники, миссионеры, купцы

и прочие пришлые, оказавшиеся волею судьбы в этих местах, скорее всего встречали на Дальнем Востоке гостеприимных аборигенов или инородцев, как их в основном называли.

На территории Сибири и Дальнего Востока проживали разнообразные большие и малые народы, относящиеся к различным этническим группам. Все они отличались своим укладом, видом деятельности, вероисповеданием, агрессивностью или миролюбием, но практически всем им было свой-

Чернов Владислав Афиногенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Управления аспирантуры, докторантуры и подготовки научных кадров Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Chernov Vladislav Afinogenovich – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Management of Postgraduate Study, Doctoral Studies and Scientific Training at Far Eastern State Transport University.

E-mail: vl.af.chernov@mail.ru

Бобышев Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Bobyshev Sergei Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: history@festu.khv.ru

Лушкина Татьяна Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Lushkina Tatiyana Alekseevna – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law at Far Eastern State Transportation University (Khabarovsk).

E-mail: tlushkina@list.ru

© Чернов В.А., Бобышев С.В., Лушкина Т.А., 2021

ственно гостеприимство, направленное не только на представителей своего рода или племени, но и на пришлых путешественников.

Как писал один из первых исследователей Дальнего Востока Николай Васильевич Буссе, *«Гостеприимство есть необходимая черта быта народа, находящегося ещё на низшей степени развития. Невозможность брать с собой достаточно пищи ни для себя, ни для собак, или какого-либо товара для платы за продовольствие, заставляет дикарей, по необходимости, принять общепользительный обычай, по которому они находят везде дом и пищу»* [4: с. 98]. Этот обычай принимать у себя любого путника, застигнутого непогодой, дать ему пищу и тепло очага, способствовал выживанию в суровых условиях. Как отмечал Пётр Михайлович Головачёв, известный русский историк Сибири, *«взаимное гостеприимство совершенно необходимо для тунгусов¹ при их беззаботности и бродячей жизни»* [7: с. 161].

Гостеприимство в первую очередь было свойственно миролюбивым народам, к которым исследователи Дальнего Востока относили гольдов (нынешних нанайцев), айнов. *«При всей бедности, гольды народ добродушный, гостеприимный и семейственный. Они живут дружно, делятся всяким куском и отличаются честностью во всём своём обиходе, на охоте же по-товарищески поддерживают друг друга. Старики у них пользуются уважением»* [18: с. 442]. *«Гостеприимство среди айнов весьма развито, они постоянно в сношениях между собою, узнают и передают новости и угощаются взаимно»* [3: с. 621]. *«И так как айны для ловли рыбы, промыслов морских зверей и проч. – постоянно все находятся в разъездах, то взаимное угощение никому не приходится в ущерб, а женщины остаются по всем юртам, управляют всем как бы общим хозяйством»* [4: с. 99].

Гостеприимностью отличались и сибирские народы. *«Остяки² добросердечны, услужливы, честны и гостеприимны; остяк никогда не оставит в нужде своего ближнего и поэтому у них никогда не бывает нищих, просящих по юртам и чумам подаяния. Остяки живут между собою мирно; убийств между ними не бывает и даже кражи – и то только у русских – весьма редки»* [8: с. 27]. *«Самоеды³ миролюбивы, честны и добродушны; на*

промыслах же ловки и проворны; гостеприимство считается у них делом самым обыкновенным. Они не злопамятны, но вспыльчивы; смертоубийств между ними почти никогда не случается, а воровство считается за величайший стыд» [8: с. 33].

Даже такое качество, присущее некоторым народам, как лень, не становилось препятствием для того, чтобы проявлять гостеприимство для случайных путников. *«Особенность вогулов⁴ составляют лень и беспечность; в случае нужды вогул скорее готов перенести и голод, и холод, чем идти против желания своего на промыслы. Вообще же вогулы кротки, честны и гостеприимны и, несмотря на свою бедность, они всегда готовы помочь в нужде друг другу»* [17: с. 49].

Гостеприимство было одним из способов выживания в суровых условиях Севера, поэтому оно было присуще и не совсем миролюбивым народам, таким как чукчи, коряки и др. *«Как кочевые, так и оленные чукчи стоят на низкой степени развития. Они грубы, завистливы, подозрительны, жадны и крайне нечистоплотны. Воровство у них не только не запрещается, но и поощряется, лишь бы вор не попался; иначе его за неловкость побьют. Даже смертоубийство у них не считается за преступление. Но рядом с этими дурными сторонами в чукчах есть и хорошие качества: они честны и гостеприимны; они уважают своих начальников; они способны, изобретательны, трудолюбивы и бережливы»* [6: с. 505].

Вот что писал о коряках первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки Иннокентий: *«...они известны всем как немирные, беспокойные и наглые (они хотели убить даже г. Рикорда); но я ничего не могу сказать об них худого. Во все время пятидневного нашего у них пребывания, никто из нас ни от кого не видел никакой обиды, ни оскорбления, напротив того они так показали себя честными, что из повозок наших, стоявших на улице без всякого караула, не потерялось ничего; они не тронули даже водку, которую многие из них видели и нюхали; одну вещь, забытую нами у них при отъезде, они возвратили нам. Кроме того, ожидали, встретили и проводили меня с полным вниманием и радушием. Когда я при расставании с ними стал говорить их старшине, что я слышал об них, что они люди худые, а вот я нашёл в них людей добрых, честных и гостеприимных, то он сказал мне: "мы добры, кто к нам добр и справедлив"»* [23: с. 127]. Это качество коряков подтверждал и Николай Васильевич Слюнин, известный российский исследователь природы и коренных народов Дальнего Востока: *«Гостеприим-*

¹ Современное название – эвенки.

² Остяки (ханты) – коренной малочисленный угорский народ, проживающий на севере Западной Сибири, в основном в Ханты-Мансийском автономном округе.

³ Самоеды, самодийцы – общее название коренных малочисленных народов России: ненцев, энцев, нганасан, селькупов и ныне исчезнувших саянских самодийцев (камасинцы, койбалы, моторы, тайгийцы, карагасы и сойоты), говорящих (или говоривших) на языках самодийской группы, образующих вместе с языками финно-угорской группы уральскую языковую семью.

⁴ Вогулы (манси) – малочисленный народ в России, коренное население Ханты-Мансийского автономного округа.

ство и помощь нуждающемуся составляют отличительную черту бродячего коряка. Раз вы к нему относитесь с доверием и справедливо, по его понятиям, он готов сделать для вас всё» [20: с. 392].

Иннокентий даже проранжировал северные народы, с которыми ему приходилось общаться, по «степени» гостеприимства: «Не одни Алеуты, как я думал прежде, умеют или умели делиться последней рыбою с голодающими, не одни они терпеливы, кротки, послушны, миролюбивы, набожны и проч. Почти все народцы (названия народов они, по малочисленности своей, не стоят), живущие в пределах Камчатской епархии, имеют такие же качества; только по набожности и приверженности к вере и слышанию слова Божия, Алеуты стоят в первом разряде. Даже некрещенные Коряки и Чукчи имеют много добрых свойств и обычаев. Гостеприимство, уважение к себе или к своему доброму имени, честность в данном слове, готовность помогать голодающим без всякого вознаграждения, — есть общий обычай едва ли не всех здешних туземцев. В некрещённых и независимых видны следы древних обычаев» [1: с. 202].

Кочевые народы, в отличие от оседлых, чаще всего испытывавшие на себе суровость природы, как раз и отличались большим радушием к гостям. «Гостеприимство у тунгусов развито в самых широких размерах. Прошенный или не прошенный, тунгус входит под кров незнакомого или знакомого — безразлично, садится к огню, берёт из рук или из рта у хозяина трубку и затем уже ведёт себя в высшей степени скромно. Обычай и приличие, однако, требуют, чтобы гостю предложили отведать какой-нибудь пищи, и только тогда уже последний принимается за еду» [10: с. 365]. Ради гостя хозяева готовы были забить оленя или накормить его чуть-ли не последним, чем сами располагали. Как писал в 1913 г. Борис Михайлович Житков, русский и советский зоолог, путешественник и исследователь Севера России, «...для почётного гостя исправный самоед не постеснится заколоть оленя, но продаёт неохотно» [13: с. 257].

Вацлав Серошевский, российский и польский этнограф-сибиревед, вспоминал: «Когда в 1884 году, застигнутый метелью в Верхоянских горах, я остановился ночевать в тунгусском стойбище, начальница его, вдова, долго извинялась перед нами, что не в состоянии убить для нас оленя, так как собственных у неё нет; в конце речи, с низкими поклонами, она положила перед нами по вяленому языку дикого оленя, говоря: "хоть это возьмите". Где бы я не встречал тунгусов на юге и севере, всюду они считали своей обязанностью накормить прибывшего, поделиться запасами, подарить на дорогу» [19: с. 226].

Как отмечали многие исследователи, посещавшие ненцев в прошлые столетия, тундровики, неза-

висимо от своего экономического благосостояния, нередко готовы были идти на серьезные жертвы ради достойного приёма гостя. Александр Алексеевич Борисов, русский художник, первый живописец Арктики, писал в своих путевых очерках об отношении тундровых жителей к гостям: «Самоед принял нас очень гостеприимно. Сейчас же хромой, убогий мальчик, работник Маеры, выбрал сани, которые похуже, и изрубил их на дрова. Потом он развёл костер и начал кипятить чайник. Подали айбырдат⁵ и чай» [2: с. 41].

Гостеприимство было свойственно даже тем, кто старался уединиться и не стремился к общению с сородичами. «За Верхо-Янским хребтом отстоят одна юрта от другой часто вёрст на двести, так, что ближайшие соседи не видятся иногда по целым годам. К такому необыкновенно великому удалению побуждается якут не столько нуждой в пастбищах, сколько своим характером: имея уже однажды сильную склонность к уединению и отчуждению, он всячески старается уклоняться, где только можно, от взаимных связей с другими. Несмотря на то, путешественник, проезжающий по якутским пустыням, найдёт в каждом из разбросанных на великом расстоянии жильё радушиное гостеприимство и готовность поделиться с ним, чем только богаты хозяева» [5: с. 190].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что гостеприимство было не просто свойственно северным коренным народам, а часто преобладало над другими их обычаями и привычками. Это характерно и для дальневосточников, и для сибиряков. «Гостеприимство почитается у них первой обязанностью: знакомые и незнакомые одинаково принимаются у них в домах» [21: с. 48]. «В них есть что-то рыцарское и благородное, прибавим мы. Самый последний бедняк примет вас в своём чуме, точно владетельный князь. Мне случилось посетить совершенно обнищавшего старика с целью помочь ему; он принял подарок с благодарностью, но без низкопоклонства и угостил меня "диким чаем", единственным его достоянием, с такой утончённой вежливостью, что я не решился отказать от напитка, несмотря на его противный вкус. Гостеприимство у них до сих пор священный обычай» [19: с. 225].

У некоторых северных народов даже была потребность продемонстрировать свою гостеприимность напоказ, так как быть негостеприимным считалось плохим тоном. «Домовладелец прямо щеголяет числом своих гостей, а полное их отсутствие считается неприличным» [11: с. 185]. Тот же Иннокентий описывал традиции индейского племени колоши, жившего на Аляске: «Судя по тому, что

⁵ Айбырдат — значит есть сырое оленьё мясо. Слово самоедское, принято у русских оленеводов и зырян [2: с. 18].

Колоши имеют обычай и как бы закон созывать гостей знакомых и незнакомых на свои праздники и игрушки и угощать их, чем только могут, иногда даже до того, что у самих после гостей не остается ничего; и что также они, как видно иногда, принимают и угощают приезжих не неприятелей и знакомых (но всякого ли и всегда ли, не могу сказать за верное), можно сказать, что гостеприимство колошам не чуждо» [24: с. 628].

Гостеприимство северных народов помогало многим путешественникам, но этим качеством иногда «беззастенчиво» пользовались. «Декабрь и январь месяцы, самые холодные, юкагиры проводят дома, и если пища есть, то проводят время весьма весело. Каждый день то в одном, то в другом доме собирается молодежь для танцев и игр. В это время в юкагирские посёлки по Ясачной под разными предложениями и без всяких предлогов являются якуты и, пользуясь первобытным гостеприимством, живут по неделям и едят приготовленную рыбу, так что в самый лучший год пищи юкагирам не хватает до февраля» [14: с. 518]. «Все дома в Петропавловске были теперь переполнены приезжими, так как каждый камчадал имеет здесь своих знакомых, гостеприимством которых и пользуется. По здешним понятиям считается совершенно в порядке вещей запросто приезжать к хозяину и жить у него на хлебах. Так уж принято повсеместно во всей Камчатке» [11: с. 185].

С другой стороны, уверенность тундровых кочевников и путешественников в том, что везде их могут не только принять, обогреть и накормить, но и снабдить запасами в дорогу, позволяла облегчить сборы и само путешествие. Выбирая маршрут поездки, принимали во внимание различные факторы для снижения рисков, поэтому, как правило, учитывали местонахождение чумов оленеводов. Так, Б.М. Житков писал, что у оленеводов можно было не только переждать ненастье, остановиться на ночлег, выяснить местонахождение следующих чумов по дальнейшему пути, определиться на незнакомой местности, но и восполнить запас продуктов, а иногда даже и заменить уставших оленей в своей упряжке при условии обмена их на обратном пути. «В конце концов по очень многим направлениям – хотя не всюду – на Ямале можно ездить на перекладных оленях, если путешественник подготовит или сам создаст себе хорошую репутацию среди самоедов. Молва по тундре распространяется со сказочной быстротой» [13: с. 209].

Гостеприимство помимо гольдов и айнов было свойственно и другим народам, населяющим берега Амура, таким как нивхи, негидальцы или самагиры⁶,

на что указывал и архиепископ Иннокентий. «О Негидальцах и прочих инородцах все отзываются весьма хорошо. Они вообще все живут опрятно, гостеприимны и любят помогать нуждающимся, более чем Тунгусы; имея лучшее хозяйство и потому более средств к пропитанию своему, они всегда помогают нашим Тунгусам во время их голодовок» [23: с. 239]. И далее Иннокентий сообщает о том, что ему «протоиерей пишет, что он более и более убеждался в том, что Самогирцы (жители самого устья реки Амгуни) и Негидальцы или Негидальцы, обитающие по самой Амгуни, – народ кроткий, ласковый, гостеприимный, честный и, следовательно, добрый» [23: с. 478]. «По характеру гилиаки⁷ пылки, как тунгусы, при первом знакомстве недоверчивы и сдержанны, но на самом деле общительны; в умственном отношении гилиаки даровиты, любознательны и искусны в разных работах: они гостеприимны и честны» [7: с. 175].

У многих северных народов гостеприимство не ограничивалось лишь кровом и едой. Они могли не только предоставить оленей на смену уставшей упряжке, но и сопроводить путника, незнакомое с местностью, до следующего чума или уже знакомой местности, или выехать навстречу путешественнику. Владимир Петрович Евладов, топограф, этнограф-экономист, научный сотрудник Всесоюзного Арктического института, вспоминал: «Самоеды Ямала давно знали о нашем прибытии, оказывали всяческое содействие, проявляли предупредительность и внимание. Ни тени недовольства приездом незваных гостей, ни тени страха перед “начальством” не наблюдалось. Дети, и те ожидали нас. В одном месте навстречу нам выехал восьмилетний мальчик. Отец его объяснил, что мальчик никогда ещё не видел русских и боялся, как бы они не проехали мимо. Он выехал звать нас к себе в гости» [12]. И это было свойственно не только ненцам. Например, Иннокентий сообщал о коряках следующее: «Из Олюторска отправились мы 9 числа Февраля и того же дня вечером приехали к юрте кочующих Коряков, хозяева которой приняли нас радушно, младший выехал ко мне навстречу за несколько вёрст, а другой, Онлох, жалованный саблею, дряхлый старик принял меня усердно; и всех, кто был со мною (и приехал по спонутью), накормил их и собак и наделил на дорогу, и за все это отнюдь не требовал платы и едва взял следующее ему за прогоны. Гостеприимство у них есть первая добродетель» [23: с. 126].

Как мы видим, испытывающему в чём-то нужду путнику всегда могли помочь: починить повреждённые нарты, одежду либо подарить необходимое снаряжение для дальнейшей дороги, и нередко

⁶ Самагиры – горинские нанайцы, субэтническая группа нанайцев, проживающих в бассейне реки Горин, малочисленный тунгусо-маньчжурский народ в Приамурье.

⁷ Гилиаки – устаревшее название нивхов.

это был действительно очень ценный подарок. Как вспоминал Евладов, *«Брат Нумеды Хэуку Пуйко решил подарить мне нож, “какого нет на Ямале” ... Ненцу вручить нож русскому человеку, значит – выразить огромное уважение и подчеркнуть его достоинства. Это похоже на вручение наградного (холодного) оружия»* [12]. *«Алеуты вообще гостеприимны; они всякого приезжего гостя встретят на пристани, и каждый из них готов принять его к себе и угостить всем, чем только может и что имеет; а хозяйка дома, если нужно, починит ему камлейку, обтяжку и проч.»* [24: с. 309].

У некоторых северных народов гостеприимство не ограничивалось только предоставлением крова, питания, транспорта или снаряжения, *«...в прежние времена обычай гостеприимства у кочевников даже требовал от хозяина уступки собственной жены или дочерей в пользование гостя. И Миддендорф говорит, что обычай этот еще существовал у самоедов в его время»* [15: с. 76]. Эта сторона гостеприимства также была вынужденной традицией в давние времена, позволявшей избегать вымирания рода из-за кровосмешения и родственных браков. Необходима была «свежая» кровь для тех кочевников, которые жили удалённо друг от друга и, кроме родственников, никого не встречали на пути.

Практически на всей огромной территории русского Севера, Сибири, Дальнего Востока и русской Америки проживавшие здесь коренные народы отличались бескорыстным гостеприимством. Несмотря на различия в традициях, обычаях, нравах, образе жизни, условиях проживания и привязанности к местности, они с уважением относились ко всем, кто приходил в их дом. Уже позже некоторые их представители стали перенимать привычки «пришлых» людей, но справедливости ради отметим, что и «пришрое» население также славилось здесь своим гостеприимством.

Гостеприимство свойственно многим дальневосточникам и сибирякам, особенно в отдалённых и слабо заселённых местностях. Проезжая через Сибирь на Камчатку, Карл Владимирович Дитмар, российский геолог, исследователь Камчатки, писал: *«Поздно вечером мы заехали к одному богатому крестьянину, приятелю Четкова, и должны были провести всю ночь напролёт за угощением. Я был поражён обилием яств, которым этот крестьянин проявлял своё чисто сибирское гостеприимство, – гостеприимство, нередко оказывающееся весьма благотворным после утомительных странствований по диким пустыням Сибири»* [11: с. 9]. И далее: *«Хозяин мой, как истый сибиряк, был безгранично гостеприимен и счёл бы величайшим оскорблением с моей стороны, если бы я осмелился предложить ему денег за квартиру и обильный стол»* [11: с. 30].

Подобный случай был описан в 1813 г. в журнале «Сын Отечества»: *«Г-жа П. проездом через... деревню, в Сибири, остановилась у крестьянского до-*

ма, чтобы взять отдых и покой с дальнего пути. Добродушные и гостеприимные крестьяне приняли к себе приезжую с радостью и усердием. Между тем, как хозяин хлопотал ввести на двор карету и пособлял людям выносить из неё дорожные припасы, усердная и проворная хозяйка побежала в другую избу готовить обед. Куры, утки, гусь, поросенок, часть баранины и говядины, капуста, масло, яйца и молоко, не говоря уже о хлебе всегда в Сибири водятся у поселян в довольстве, и все это употреблено было доброй хозяйкой на обед для г-жи П., который к настоящему времени и был подан, с необыкновенной там у поселян оговоркой: не погневайся пожалуйста, матушка наша! кушай на здоровье, что Бог послал! – Г-жа П. отобедавши, осталась у них до вечера. Вечеру подан был для нее ужин; потом, по просьбе хозяев, она осталась и ночевать. На другой день ко времени приготовлен был для нее и завтрак» [16: с. 81]. Помимо обильного угощения и ночлега хозяева ещё снабдили незнакомую гостью продуктами на дорогу и категорически отказались брать за это деньги. Но при выходе из комнаты она всё-таки *«положила тихонько десятирублевую ассигнацию на печку, и протаясь с почтенными сими поселянами – уехала»*. Через несколько вёрст её нагнал старший сын хозяев и вернул деньги со словами: *«как вы Бога не боитесь, сударыня! За нашу ласку, хлеб, соль вы вздумали над нами насмеяться: подбросили деньги. Батюшка и матушка послали меня, сказать вам это, и вот ваши деньги прислали обратно – извольте взять!»* [16: с. 82].

Всё это не способствовало появлению постоянных дворов и других средств размещения, которые были характерны на трактах и в населённых пунктах европейской России. В описании своего путешествия, вышедшем в свет в 1796 г., Иоганн Сиверс, исследователь природы Сибири, ботаник, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, сообщал, что *«гостиницы принадлежат в Сибири к самым редким вещам; зато, конечно, ни в какой стране на свете нет большего гостеприимства. Каждый путешественник хорошего поведения везде, особливо у доброго сельского народа, может быть уверен в самом сердечном приёме»* [22: с. 183].

В середине XIX в. Якутск был самым крупным городом на Востоке Российской империи. Тот же Дитмар, проезжавший через город в 1851 г., сообщал о нём: *«Гостиниц здесь нет, а потому, по сибирскому обычаю, я через полицию сейчас-же получил частную квартиру у здешнего купца Андрея Алексеева Сахарова, человека пожилого и очень любезного... Сахаров делал по отношению ко мне всё от него зависевшее: угостил меня с чисто сибирским гостеприимством и поместил очень хорошо в просторной комнате»* [11: с. 22]. Известный русский писатель Иван Александрович Гончаров, воз-

вращаясь после путешествия на фрегате «Паллада» через Якутск, писал, что «он главный город области этого имени, лежит под 62° северной широты, производит торг пушными товарами и что, как я узнал теперь, в нём нет... гостиницы» [9: с. 667]. Немногочисленные проезжие останавливались у знакомых или просто у местных жителей, которые могли снабдить проезжего человека всем необходимым, в том числе и одеждой, соответствующей суровым условиям путешествия [25: с. 23]. На вопрос Гончарова об отсутствии гостиниц или трактиров принимавший его в доме купец ответил: «Но ведь так, скажут мне, не напасёшься вещей, если каждый день будут являться проезжие, и устанешь угощать: оно бестолково. Если каждый день будут проезжие, тогда будет и трактир...» [9: с. 676].

Таким образом, распространённое среди практически всех северных, сибирских и дальневосточных народов такое их качество, как гостеприимство, позволяло выживать любым путникам, застигнутым непогодой, при условии, если вблизи находилось какое-либо жилище представителя коренного народа. Суровые природные условия и непредсказуемая погода не позволяли точно рассчитывать необходимое количество продовольствия и снаряжения для организации длительных путешествий, что нередко являлось основной причиной гибели первопроходцев. Для путника хозяева готовы были уделить не только место у очага, но и пищу и питьё, не жалея для этого даже последнего, что у них было. Такое качество северных народов позволяло им выживать в суровых условиях Севера, и оно же являлось серьёзным фактором успешного продвижения различных исследователей по огромным территориям Дальнего Востока, что способствовало быстрому освоению данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков, И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников / И.П. Барсуков. – Москва: Синоид. тип., 1883. – 805 с.
2. Борисов, А.А. У самоедов: От Пинегы до Карского моря: Путевые очерки с автобиографической заметкой и с 36 снимками с картин автора, из коих 15 в красках / А.А. Борисов. – Санкт-Петербург: Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. – 104 с.
3. Бродович. Айно / Бродович // Азиатская Россия: иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии / сост. А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1905. – С. 620–626.
4. Буссе, Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1853–54 гг. Дневник 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. / Н.В. Буссе. – Санкт-Петербург, 1872. – 163 с.
5. Врангель, Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. Ч. I / Ф. Врангель. – Санкт-Петербург, 1841. – 360 с.
6. Географо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. А. Кириллов. – Благовещенск, 1894. – 551 с.
7. Головачев, П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. С многими рисунками / П. Головачев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1905. – 400 с.
8. Голодников, К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири / К. Голодников. – Тобольск, 1882. – 181 с.
9. Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. В 2 т. Т. 2 / И.А. Гончаров // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 714 с.
10. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание Амурской области / Г.Е. Грум-Гржимайло. – Санкт-Петербург, 1894. – 655 с.
11. Дитмар, К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. Исторический отчёт по путевым дневникам / Карл фон-Дитмар; пер. с нем. – Санкт-Петербург, 1901. – 765 с.
12. Евладов Владимир Петрович // Губкинская централизованная библиотечная система. – URL: <http://gcbs.ru/cbs/pub/Personalii/Evladov.html> (дата обращения: 01.09.2020).
13. Житков Б.М. Полуостров Ямал: отдельный оттиск из XLIX «Записок ИРГО» / Б.М. Житков. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 350 с.
14. Иохельсон. У юкагиров / Иохельсон // Азиатская Россия: иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии / сост. А. Крубер, С. Григорьев, А. Барков, С. Чефранов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1905. – С. 515–522.
15. Нансен, Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Ф. Нансен; авториз. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. – Магадан: Кн. изд-во, 1969. – 304 с. – (Дальневосточная историческая библиотека).
16. П... В... Сибирское гостеприимство / П... В... // Сын Отечества, исторический и политический журнал. – 1813. – Ч. 6. – С. 81–82.
17. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А.И. Дмитриев-Мамонов, К.М. Голодников. – Тобольск, 1884. – 522 с.
18. Родевич, В.М. Сунгари от истока до впадения в Амур (Материалы по исследованию реки Сунгари партией Министерства Путей Сообщения в 1904 году) / В.М. Родевич. – Санкт-Петербург, 1906. – 721 с.
19. Серошевский, В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. В 2 т. Т. 1 / В.Л. Серошевский; под ред. проф. Н.И. Веселовского. – Санкт-Петербург: Изд-во ИРГО, 1896. – 748 с.
20. Слюнин, Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. В 2 т. Т. 1 / Н.В. Слюнин. – Санкт-Петербург, 1900. – 734 с.
21. Степанов, Г. Заметки о быте якутов Колымского округа / Г. Степанов // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. 1860–1861. Кн. 3. – Санкт-Петербург, 1862. – С. 42–52.
22. Сукачев, В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири: очерк / В.П. Сукачев. – Москва, 1891. – 270 с.
23. Творения Иннокентия, митрополита Московского. В 3 кн. Кн. 2 / Собр. Иваном Барсуковым. – Москва: Синод. тип., 1887. – 492 с.
24. Творения Иннокентия, митрополита Московского. В 3 кн. Кн. 3 / Собр. Иваном Барсуковым. – Москва: Синод. тип., 1888. – 658 с.
25. Чернов, В.А. История становления гостиничного дела на Востоке Российской империи: монография / В.А. Чернов. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – 231 с.